

Элизабет
ГАСКЕЛЛ

Жены и дочери

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Г 22

Elizabeth Gaskell
WIVES AND DAUGHTERS

Перевод с английского
Ирины Проценко (гл. 1–35),
Александры Глебовской (гл. 36–70;
«Заключительные заметки»)

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-25458-9

© А. В. Глебовская, перевод, 2014
© И. Б. Проценко, перевод, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

ГЛАВА 1

УТРО ПРАЗДНИЧНОГО ДНЯ

Если начать словами старой детской присказки, то... в некотором государстве было графство, а в том графстве — город, а в том городе — дом, а в том доме — комната, а в той комнате — кровать, а в кровати лежала девочка, и, хотя она уже давно проснулась и ей не терпелось встать, сделать это она не решалась из страха перед невидимой грозной властью в соседней комнате, по имени Бетти, чей сон не полагалось тревожить, пока часы не пробьют шесть и она не проснется сама «точно как часы», и тогда уж — конец покою в доме. Было июньское утро, и даже в этот ранний час солнце уже наполняло комнату светом и теплом.

Напротив маленькой, в белой кисее кровати Молли Гибсон стояла на комоде грубоватая подставка для шляп, а на нее был надет капор, заботливо прикрытый, чтобы случайно не запылится, большим носовым платком из ткани столь надежной и плотной, что, находясь под ним какое-нибудь хрупкое изделие из вуали, кружева и цветов, оно бы (если вновь воспользоваться лексиконом Бетти) «мигом перекосоротилось». Но капор был из прочной соломки, и украшала его лишь простая белая лента, которая, огибая основание тульи, спускалась вниз двумя концами так, чтобы их можно было завязывать. И все же внутри капора была аккуратная оборочка, каждую складку которой Молли знала наизусть, — не сама ли она с величайшим усердием закладывала их накануне вечером? А разве не было на этой оборочке голубого бантика, самого ее первого, самого изящного украшения, о каком она когда-либо могла мечтать?

Но вот и шесть часов! Об этом бодрым, приятным перезвоном возвестили церковные колокола, призывая каждого к дневным трудам, как делали это уже сотни лет. Молли вскочила с постели, маленькими босыми ступнями пробежала через комнату, сдернула с подставки на комод платок и вновь увидела капор — обещание праздничного, радостного дня. Она перебежала к окну и, подергав раму, распахнула его. В саду под окном уже высохла роса на цветах, но влага еще поднималась от высокой травы в сенокосных лугах, что начинались прямо за садовой изгородью. По одну сторону от дома раскинулся городок Холлингфорд, на улицу которого выходила парадная дверь дома мистера Гибсона, и над крышами городка уже курились тонкие струйки и облачка дыма из труб тех домов, где хозяйки успели пробудиться и готовили завтрак для кормильцев семьи.

Все это Молли Гибсон видела, но, видя все это, думала только об одном: «Ах! День будет погожий! А я так боялась, что он никогда-никогда не наступит, а если и наступит, так пойдет дождь».

Сорок пять лет тому назад детские радости в маленьком провинциальном городке были очень просты, и за прожитые Молли долгие двенадцать лет еще ни разу не случилось события столь огромной важности, как то, что приближалось сейчас. Правда, бедняжка уже лишилась матери, что оставило тяжелый след на всей ее жизни, но это едва ли можно назвать событием — в том смысле, в котором слово здесь употреблено, — и к тому же она тогда была еще слишком мала, чтобы вполне осознать случившееся. Радостным же событием, которого она сегодня с нетерпением ожидала, было то, что ей впервые предстояло принять участие в некоем ежегодном празднестве Холлингфорда.

Один край маленького, беспорядочно раскинувшегося городка незаметно переходил в поля и перелески вблизи от сторожки привратника на въезде в обширный парк, где располагалось жилище милорда и леди Камнор — графа и графини, как их именовали в городке, — и где в значительной степени сохранялся феодальный уклад, сказыва-

вавшийся во множестве повседневных проявлений, весьма забавных с нынешней точки зрения, но исполненных серьезности и значительности в те дни. Дело было еще до принятия Билля о реформе, но два-три наиболее просвещенных землевладельца в Холлингфорде порой вели между собой долгие беседы либерального толка, а еще в графстве жила большая и влиятельная семья, члены которой принадлежали к партии тори и время от времени соперничали на выборах с вигами Камнорами. Казалось бы, упомянутые выше либерально настроенные жители Холлингфорда могли, по крайней мере в мыслях, допускать возможность отдать голоса Хели-Харрисону и таким образом проявить свою независимость. Ничуть не бывало. Граф был хозяином поместья, владел значительной частью земли, на которой стоял город; его самого и его домочадцев кормили, лечили и по большей части одевали добрые горожане Холлингфорда; их отцы, деды и прадеды всегда голосовали за старшего сына из поместья Камнор-Тауэрс, и, следуя по стопам предков, каждый горожанин отдавал голос своему сеньору, совершенно не принимая в расчет такую безделицу, как политические убеждения.

В те времена, еще до появления железных дорог, это был отнюдь не редкий пример влияния, каким крупный землевладелец мог пользоваться среди более скромных соседей, и это влияние было благом там, где главенствующее семейство обладало такими достойными нравственными качествами, какими отличались Камноры. Граф и графиня ожидали по отношению к себе безоговорочного послушания, простосердечную любовь горожан принимали как должное и были бы поражены до немоты, застыли бы в изумлении, вспоминая с ужасом о французских санкюлотах, кошмаре их юности, осмелся кто-нибудь из обитателей Холлингфорда противопоставить свое мнение или намерение мнению или намерению графа. Но поскольку желаемое послушание и почтение им оказывали, они многое делали для города, были обычно снисходительны, а часто — внимательны и добры к своим вассалам. Лорд Камнор не был высокомерным хозяином поместья. Порой ему случалось, слегка потеснив управляющего имением, брать

бразды правления в свои руки, к немалой досаде агента, который был, к слову сказать, слишком богат и независим, чтобы особенно дорожить местом, где его распоряжения нарушались из-за склонности милорда «совать свой нос куда не надо» (как непочтительно высказывался управляющий в домашнем кругу), каковое выражение означало, что граф сам задавал вопросы своим арендаторам и использовал свидетельство собственных глаз и ушей касательно некоторых мелочей в деле управления своей собственностью. Но арендаторы только больше любили милорда за эту его привычку. Лорд Камнор всегда был не прочь посплетничать, удачно сочетая это с умением уклоняться от личного вмешательства в отношения между старым управляющим и арендаторами. Но надо сказать, графиня своей неподражаемо величественной манерой искупала эту слабость графа. Впрочем, раз в год она склонна была к снисходительности. Вместе с высокородными дамами, своими дочерьми, она открыла школу — не такую, как школы наших дней, где мальчики и девочки из семей фабричных рабочих и мастеровых нередко получают лучшие знания, нежели их более высокородные сверстники. Скорее, эту школу нам бы следовало назвать «трудовой»: в ней девочек обучали искусно шить, быть отменными горничными, неплохими кухарками, но прежде всего опрятно носить своеобразную форменную одежду благотворительного заведения, совместно изобретенную дамами из Камнор-Тауэрс, — белый чепец, белую шейную косынку, клетчатый передник, синее платье, — вежливо приседать и говорить: «Как прикажете, сударыня», что было *de rigueur*¹.

Поскольку графиня отсутствовала в Камнор-Тауэрс большую часть года, она бывала рада привлечь к своей школе сочувственный интерес жительниц Холлингфорда, намереваясь прибегать к их помощи в качестве опекунов в те долгие месяцы, на которые вместе с дочерьми покидала поместье. И многие не отягощенные обязанностями дамы из почтенных семейств городка откликнулись на зов повелительницы, с готовностью предоставляя свои

¹ Непреложным правилом (*фр.*).

услуги и сопровождая их бурным шепотом суетливых восхвалений. «Как великодушно со стороны графини! Как это похоже на дорогую графиню — всегда думать о других!» и т. д. При этом считалось, что ни один приезжий по-настоящему не видел Холлингфорда, если его не приводили в школу графини и он не проявлял должного восторга при виде аккуратных маленьких учениц и еще более аккуратных образцов их рукоделия, представленных для обозрения. В знак признательности каждое лето назначался торжественный день, когда — с любезным и величавым гостеприимством — леди Камнор и ее дочери принимали всех школьных опекунов в Тауэрс, огромном фамильном доме, стоявшем в аристократическом уединении посреди обширного парка, одна из сторожек которого была обращена в сторону городка. Порядок ежегодного праздника был таков. Около десяти часов утра одна из карет имения выезжала из поместья, направляясь к домам тех жительниц городка, которым хозяева намеревались оказать честь; их собирали по одной или по две, пока не заполнится карета, затем карета возвращалась в имение через распахнутые ворота, стремительно проезжала по гладкой, окаймленной деревьями дороге, и стайку нарядно одетых дам высаживали на ступени величественной лестницы, ведущей к массивным дверям Камнор-Тауэрс. Затем карета вновь отправлялась в город, чтобы забрать новую группу дам в их лучших нарядах, и возвращалась с ними — и так, пока все общество не собиралось в доме или в прекрасных садах поместья. После демонстрации всевозможных чудес, с одной стороны, и изъявлений восторга — с другой, подавалось угощение, вслед за тем еще некоторое время демонстрировались и вызывали должное восхищение сокровища, находящиеся в доме. Ближе к четырем часам подавали кофе, и это было сигналом к появлению кареты, которая развозила всех гостей по домам, куда они возвращались со счастливым ощущением прекрасно и полезно проведенного дня, но и в некотором утомлении от длительного старания сохранять подобающую обстановке манеру поведения и разговора. Леди Камнор и ее дочери испытывали чувство самодовольства и притом

некоторое утомление, каковые всегда следуют за сознательными усилиями вести себя так, чтобы доставить наибольшее удовольствие обществу, в котором находишься. Впервые в жизни Молли Гибсон предстояло оказаться в числе гостей в Камнор-Тауэрс. Она была еще слишком мала для того, чтобы опекать школу, так что оказаться в поместье ей предстояло по другому поводу. Случилось, что однажды лорд Камнор, в очередной раз отправившись «совать свой нос куда не надо», повстречал мистера Гибсона, известного всей округе врача, когда тот выходил из дома одного фермера, как раз навстречу входящему туда милорду. Желая задать доктору один небольшой вопрос (лорд Камнор редко упускал возможность, встретив знакомого, задать ему какой-нибудь вопрос, не всегда выслушивая ответ, — такова была его манера беседовать), он дошел вместе с доктором до сарая, где к металлическому кольцу в стене была привязана докторская лошадь. Там же, сидя прямо и уверенно на своем маленьком лохматом пони, дожидалась отца Молли. Серьезные глаза девочки удивленно и широко раскрылись при появлении и явном приближении графа: в ее детском представлении этот седовласый, краснолицый, несколько неуклюжий человек был чем-то средним между архангелом и королем.

— Ваша дочка, Гибсон? Славная девчужка. Сколько лет? Пони, однако, неухоженный, — добавил он, похлопывая пони по спине. — Как тебя зовут, моя милая? Как я сказал, у него, к сожалению, большая задолженность по арендной плате, но если он действительно болен, то надо мне приглядеть за Шипшенксом — а то он уж больно суров в деловых вопросах. Так что у него за болезнь? А ты приезжай к нам на школьный прием в четверг, крошка, — как тебя зовут? Непременно пришлите ее или привезите, Гибсон. И поговорите со своим конюхом — я уверен, этого пони в прошлом году не подпаливали, ведь так? Не забудь про четверг, малышка, — как тебя зовут? — мы с тобой договорились, верно?

И граф поспешил прочь, заметив в дальнем конце двора старшего сына фермера.

Мистер Гибсон сел в седло, и они с Молли отправились в путь. Некоторое время ехали молча. Потом она негромко и несколько робко спросила:

— Можно мне поехать, папа?

— Куда, дорогая? — спросил он, отвлекаясь от своих профессиональных забот.

— В Камнор-Тауэрс, в четверг, ты же слышал. Этот джентльмен, — она стеснялась произносить его титул, — пригласил меня.

— А тебе хотелось бы, дорогая? Мне всегда казалось, что это довольно утомительное развлечение — утомительный день, я хочу сказать... начинается так рано... и жара, и все прочее...

— О папа! — укоризненно сказала Молли.

— Так, значит, ты хотела бы поехать?

— Да, если можно! Ты же слышал — он меня пригласил. Как ты думаешь — можно? Он меня целых два раза пригласил.

— Ну что ж, давай посмотрим, что тут у нас получается... Да, я думаю, мы как-нибудь это устроим, если тебе так хочется, Молли.

Потом они снова замолчали. Спустя некоторое время Молли сказала:

— Как ты решишь, папа... я и правда хочу поехать... но это для меня не так уж важно.

— Звучит несколько запутанно. Но я полагаю, ты хочешь сказать, что готова не ехать, если окажется затруднительно тебя туда доставить. Это я, однако, легко смогу устроить. Так что считай дело решенным. Не забудь — тебе понадобится белое платье. Лучше всего скажи Бетти, что тебя пригласили, а она позаботится о том, чтобы ты выглядела опрятно.

Мистеру Гибсону нужно было предпринять кое-какие шаги, чтобы чувствовать себя совершенно спокойно относительно поездки Молли на празднество в Тауэрс, и каждый из них требовал с его стороны некоторых хлопот. Но ему очень хотелось порадовать дочку, и потому на следующее утро он отправился верхом в Тауэрс под предлогом визита к заболевшей горничной, на самом же деле — чтобы

попасться на глаза миледи и получить от нее подтверждение приглашения, сделанного Молли лордом Камнором. Время для этого он выбрал с врожденной дипломатичностью, к которой, сказать по правде, часто прибегал в своих сношениях с этим знатным семейством. Он въехал на конюшенный двор около двенадцати часов, незадолго до второго завтрака, но уже после того, как улеглось волнение, связанное с прибытием почты и обсуждением содержимого почтовой сумки. Поставив лошадь в конюшню, он вошел в дом через заднюю дверь: с этой стороны он назывался «Домом», а с парадного фасада — «Тауэрс». Он навестил свою пациентку, дал необходимые указания эконолке, а затем отправился, неся в руке редкий полевой цветок, на поиски одной из молодых дам Трэнмир в сад, где — как он ожидал и рассчитывал — оказалась и леди Камнор. Она попеременно пересказывала дочери содержание только что вскрытого письма, которое держала в руке, и давала садовнику указания относительно высаживаемых в грунт растений.

— Я приехал проведать Нэнни и воспользовался случаем, чтобы привезти леди Агнес растение, которое, как я ей говорил, растет на Камнорском болоте.

— Я вам очень благодарна, мистер Гибсон. Мама, взгляните! Это та самая *Drosera rotundifolia*, которую я так долго хотела найти.

— Да, в самом деле, очень мила — только ведь я ничего не понимаю в ботанике. Няне, я надеюсь, уже лучше? Мы никак не можем допустить, чтобы хоть кто-то из прислуги болел на будущей неделе, — дом будет полон людей, а тут еще Дэнби готовятся нагрязнуть. Приезжаем сюда на Троицу побыть две недели в тишине и покое, оставив половину прислуги в городе, но едва пройдет слух, что мы здесь, как начинаются бесконечные письма о том, как все жаждут глотка свежего воздуха или как, должно быть, прекрасно в Тауэрс весной. И должна сказать, во всем этом виноват в первую очередь лорд Камнор: как только мы здесь оказываемся, он тут же начинает объезжать всех соседей и приглашать их приехать и погостить несколько дней.

— Мы вернемся в город в пятницу, восемнадцатого числа, — сказала леди Агнес тоном утешения.

— Ах да! Как только справимся с этим приемом для школьных опекунов. Но до этого счастливого дня еще целая неделя.

— Да, кстати, — сказал мистер Гибсон, воспользовавшись удачным поворотом в беседе. — Я встретил вчера милорда на ферме Кросс-Триз, и он был так добр, что пригласил мою дочурку, которая была со мной, приехать сюда на прием в четверг. Для девочки, я уверен, это было бы большой радостью.

— Ну что же, если милорд позвал ее, я полагаю, она может приехать, но я бы предпочла, чтобы он иногда поумерил свое гостеприимство! Не то что мы не рады вашей девочке, но вы знаете, на днях он встретил младшую мисс Браунинг, о существовании которой я прежде никогда не слыхала.

— Она опекает школу, мама, — сказала леди Агнес.

— Ну, возможно, и так. Я ведь не говорю, что она этого не делает. Я знала, что есть одна опекунша по фамилии Браунинг, но я понятия не имела, что их две. Но уж конечно, как только лорд Камнор услышал, что есть еще вторая, ему непременно понадобилось пригласить и ее; теперь придется посылать карету туда и обратно четыре раза, чтобы всех их привезти. Так что ваша дочка, мистер Гибсон, вполне может приехать, и я буду очень рада повидать ее ради вас. Я надеюсь, она сможет поместиться между этими двумя дамами Браунинг? Договоритесь с ними. И непременно поставьте няню на ноги к будущей неделе.

Когда мистер Гибсон уже уходил, леди Камнор окликнула его вдогонку:

— О! Между прочим, Клэр здесь — вы ведь помните Клэр? Когда-то давно она была вашей пациенткой.

— Клэр? — повторил он недоумевающим тоном.

— Разве вы ее не помните? Мисс Клэр, наша бывшая гувернантка, — сказала леди Агнес. — Служила у нас лет двенадцать или четырнадцать тому назад, еще до замужества леди Каксхейвен.

— Ах да, — вспомнил он. — Мисс Клэр, которая перенесла скарлатину. Очень хрупкая девушка. Но мне помнится, она вышла замуж.

— Да, — сказала леди Камнор. — Эта глупышка не ценила того, что имеет, а ведь мы все так любили ее. Взяла и вышла замуж за бедного викария и стала зваться миссис Киркпатрик, но мы всегда продолжали называть ее Клэр. А потом он умер, оставил ее вдовой, и теперь она гостит здесь у нас, а мы все ломаем голову, как бы помочь ей найти возможность зарабатывать на жизнь, не разлучаясь с ребенком. Она где-то здесь, в саду, если пожелаете возобновить знакомство.

— Благодарю вас, миледи. К сожалению, сейчас не смогу. У меня сегодня много визитов. Боюсь, я и так уже непростительно долго здесь задержался.

Как ни длительна была его поездка в этот день, вечером он все же посетил обеих мисс Браунинг, чтобы договориться о совместном с ними визите Молли в Тауэрс. Сестры, высокие, привлекательные дамы не первой молодости, никогда не упускали случая оказать любезность доктору-вдовцу.

— Ах господи! Мистер Гибсон, да мы будем просто в восторге, если она поедет с нами. О чем тут спрашивать? — сказала старшая мисс Браунинг.

— Я, право, ночами не сплю — так жду этой поездки, — сказала мисс Фиби. — Знаете, я ведь никогда там прежде не бывала. Сестра ездила туда много раз, но вот каким-то образом, хотя мое имя значится в списке опекунш целых три года, графиня никогда не упоминала меня в своей записке, а вы ведь понимаете: я не могла взять да и поехать в такое место сама, без всякого приглашения, — правда же?

— Я говорила Фиби в прошлом году, — вмешалась ее сестра, — что это всего лишь недосмотр, если можно так выразиться, со стороны графини и что ее светлость будет очень огорчена, когда не увидит Фиби среди школьных опекунш, но, видите ли, Фиби очень деликатна, мистер Гибсон, и, как я ее ни убеждала, она так и не захотела поехать и осталась дома, и уверяю вас, все удовольствие в тот день было для меня омрачено воспоминанием о лице Фиби: когда я уезжала, она стояла у окна, чуть не плача, — вы просто не поверите.

— Я действительно поплакала, когда ты уехала, Салли, — сказала мисс Фиби. — Но все равно, по-моему, я была права, что не поехала, если меня не звали. Правда, мистер Гибсон?

— Безусловно, — ответил он. — И видите, вы едете туда в этом году, а в прошлом году в тот день шел дождь.

— Да-да! Я помню! Я тогда стала наводить порядок у себя в ящиках комода, чтобы взять себя в руки, так сказать, и была настолько занята этим, что даже вздрогнула, когда услышала, как дождь барабанит в окна. «Боже мой! — подумала я. — Что будет с сестрицыными атласными белыми туфельками, если ей придется ходить по мокрой траве после такого дождя?» Знаете, я так восхищалась ее элегантными туфельками, а она взяла да и подарила мне в этом году белые атласные туфельки, точь-в-точь как у нее.

— Молли должна надеть лучшее из того, что у нее есть, — сказала старшая мисс Браунинг. — Мы бы могли, если она захочет, одолжить ей какие-нибудь бусы или искусственные цветы.

— Молли поедет в опрятном белом платье, — сказал мистер Гибсон с некоторой поспешностью, поскольку не разделял представления сестер Браунинг о хорошем вкусе и не желал, чтобы его девочка была одета в соответствии с их предпочтениями. Сам он предпочитал вкус своей старой служанки Бетти как более подходящий — оттого что более простой.

В голосе мисс Браунинг прозвучал легчайший оттенок недовольства, когда она, выпрямив спину, сказала:

— Ну что ж, хорошо. Стало быть, так.

А мисс Фиби добавила:

— Молли всяко будет выглядеть очень мило, в чем бы она ни была, — уж это точно.

ГЛАВА 2

ВПЕРВЫЕ В ВЕЛИКОСВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В десять часов утра долгожданного четверга карета из Камнор-Тауэрс отправилась в путь. Молли была готова задолго до первой поездки, хотя было условлено, что за

ней и сестрами Браунинг приедут не раньше последнего, четвертого захода. Ее лицо, отмытое до блеска, сияло чистотой; кружевные панталончики, платье, ленты были белы как снег. На плечах лежала черная накидка, прежде принадлежавшая матери, вся обшитая пышным кружевом и казавшаяся причудливой и старомодной на ребенке. Впервые в жизни на руках ее были лайковые перчатки — до сих пор она носила только нитяные. Перчатки были слишком велики для ее маленьких, в ямочках рук, но, поскольку, как сказала Бетти, новые ей еще когда купят, все было хорошо. От долгого утреннего ожидания ее то и дело охватывала дрожь, а раз она даже чуть не потеряла сознание. Сколько бы Бетти ни твердила ей, что котелок не закипит, покуда на него смотришь, Молли не отводила глаз от извилистой улицы, и через два часа карета наконец приехала за ней. Ей пришлось сидеть на самом краешке, чтобы не помять новые платья сестер Браунинг, но не слишком выдвигаясь вперед, чтобы не причинить неудобства толстой миссис Гудинаф и ее племяннице, занимавшим переднее сиденье кареты, так что возможность сидеть для нее вообще была весьма сомнительна, и вдобавок к этому Молли чувствовала, что занимает очень заметное место, в самой середине экипажа, привлекая к себе взгляды всего Холлингфорда. День был слишком праздничным, чтобы обычная работа в городке шла своим чередом. Служанки глазели из верхних окон, жены лавочников стояли в дверях, жены работников выбегали из своих домишек с младенцами на руках, а ребятня, которая была еще слишком мала, чтобы вести себя уважительно при виде графской кареты, провожала ее радостными воплями. Привратница придержала открытые ворота и низко присела перед ливрейными лакеями. Теперь, когда они въехали в парк и впереди показался Камнор-Тауэрс, среди дам в карете воцарилось молчание, прерванное только один раз негромким замечанием племянницы миссис Гудинаф, когда карета остановилась перед двойным полукругом высоких ступеней, ведущих к входным дверям.

— По-моему, это называется «внешняя лестница», не так ли? — спросила эта дама, приехавшая в Холлингфорд из другого города.

Единственным ответом ей было одновременное «ш-ш-ш!» ее спутниц. Молли стало не по себе, и она почти пожалела, что не осталась дома. Но ее стеснительность постепенно прошла, когда все общество отправилось прогуляться по прекрасному поместью, подобного которому она и вообразить не могла. Лужайки зеленого бархата, купающиеся в солнечном свете, тянулись во все стороны, уходя к деревьям искусно разбитого парка; если и были изгороди и разделительные каналы между напоенными солнцем мягкими коврами зеленой травы и густым сумраком лесных деревьев за ними, Молли они были не видны, а незаметный переход тщательно возделанной красоты в лесное буйство имел для нее неизъяснимое очарование. Около дома были различные стены и изгороди, но их сплошь покрывали вьющиеся розы, жимолость и другие ползучие растения, как раз начинавшие буйно цвести. Были цветочные клумбы — алые, малиновые, голубые, оранжевые россыпи цветов на зелени газонов. Молли крепко держалась за руку мисс Браунинг, пока они бродили по саду в обществе еще нескольких дам, под предводительством одной из дочерей семейства, которую, казалось, слегка забавляли бурные изъяснения восторга по поводу каждого увиденного места и предмета. Молли, как и подобало ее возрасту и положению, не говорила ни слова, но время от времени глубоко вздыхала от всего переполненного сердца. Они подошли к длинному, сверкающему стеклами ряду оранжерей и теплиц, где их ожидал помощник садовника. Оранжереи занимали Молли куда меньше, чем цветы на открытом воздухе, но у леди Агнес был более научный склад ума, и она так долго и подробно повествовала о том, как редко встречается это растение или каких методов культивации требует то растение, что Молли почувствовала сначала сильную усталость, а потом и дурноту. Некоторое время она стеснялась заговорить, но наконец, опасаясь еще большего конфуза, если расплчется или упадет, повалив подставку с драгоценными цветами, она потянула за руку мисс Браунинг и прошептала:

— Можно я выйду на воздух, в сад? Мне здесь трудно дышать!

— Да-да, конечно, милочка. Тебе это все, наверно, еще трудно понимать, дорогая, но это очень интересно и поучительно, и во всем этом очень много латинских слов.

Она поспешно обратилась опять в сторону леди Агнес, чтобы более уже не пропустить ни слова из ее лекции об орхидеях, а Молли повернула назад и вышла из душливой жары оранжереи. На свежем воздухе она почувствовала себя лучше и — без всякого надзора, на свободе — принялась переходить от одного прелестного уголка к другому, то в открытом парке, то в каком-нибудь уединенном цветнике, где слышно было лишь пение птиц да плеск центрального фонтана и кроны деревьев заключали в кольцо голубое июньское небо. Она шла, не более задумываясь, где находится, чем бабочка, перелетающая с цветка на цветок, пока наконец не устала и ей не захотелось вернуться в дом, но она не знала, как это сделать, а кроме того, боялась встречи со всеми этими незнакомыми людьми, когда рядом не будет ни той ни другой мисс Браунинг. Жаркое солнце до боли напекло ей голову. Она увидела поблизости, на лужайке, могучий, широко раскинувший ветви кедр. Густая тень под его ветвями манила к себе. В тени стояла грубая скамья. Усталая и обессиленная, Молли опустилась на нее и вскоре уснула.

Проснувшись она внезапно и тут же вскочила со скамьи. Рядом стояли две дамы и говорили о ней. Они были ей совершенно незнакомы, и в смутной уверенности, что сделала что-то недозволенное, а также изнуренная голодом, усталостью и утренними волнениями, она расплакалась.

— Бедная девочка! Заблудилась. Она, я уверена, приехала с кем-то из Холлингфорда, — сказала та дама, что выглядела постарше.

Ей, казалось, было около сорока, хотя на самом деле — не более тридцати лет. У нее были грубоватые черты и весьма суровое выражение лица, одета она была в чрезвычайно роскошное утреннее платье. Ее низкий, невыразительный голос в иных кругах общества назвали бы грубым, но такое определение было неприменимо к леди Каксгейвен, старшей дочери графа и графини. Другая дама вы-

глядела моложе, но была в действительности несколькими годами старше. По первому взгляду на нее Молли подумала, что никого красивее еще никогда не видала, и дама в самом деле была очаровательна. И голос ее был мягким и сострадательным, когда она ответила леди Каксхейвен:

— Бедняжка, она явно перегрелась, да еще в таком тяжелом и плотном капоре. Дай-ка я развяжу его, моя милая.

Молли решила объяснить:

— Я Молли Гибсон. Я приехала сюда с двумя мисс Браунинг.

Более всего она страшилась, что ее сочтут незванным гостем.

— Мисс Браунинг? — спросила леди Каксхейвен, обращаясь к своей спутнице.

— Я думаю, это те две высокие, полные молодые женщины, о которых говорила леди Агнес.

— А, очень может быть. Я видала, как она взяла несколько человек на свое попечение. — Потом, снова взглянув на Молли, леди Каксхейвен спросила: — Ты что-нибудь ела, дитя, с тех пор как приехала? Ты очень бледна. Или это от жары?

— Я совсем ничего не ела, — жалобно сказала Молли; до того как заснула, она и в самом деле была очень голодна.

Дамы тихо посоветовались, и старшая властным голосом, каким она, кстати сказать, все время и говорила со своей спутницей, сказала:

— Посиди здесь, дорогая, а мы вернемся в дом, и Клэр принесет тебе что-нибудь поесть прежде, чем ты попытаешься пойти обратно, — тут не меньше четверти мили.

Они ушли, а Молли осталась сидеть смиренно, ожидая обещанного посланца. Она не знала, кто такая Клэр, и ей уже не очень хотелось есть, но она чувствовала, что не сможет пойти сама, без чьей-нибудь помощи. Наконец она увидела, что красивая дама возвращается в сопровождении лакея с небольшим подносом.

— Посмотри, как добра леди Каксхейвен, — сказала та, которую звали Клэр. — Она сама собрала для тебя этот

дивный второй завтрак. А теперь постарайся съесть его, и тебе сразу станет лучше, дорогая... Можете не ждать, Эдвардс, я захвачу с собой поднос.

На подносе лежали хлеб, холодная курятина и кисть винограда, стояли варенье, стакан вина и бутылка газированной воды. Молли протянула маленькую, дрожащую руку к воде, но оказалась слишком слаба, чтобы удержать бутылку. Клэр поднесла воду к ее губам, и Молли сделала большой глоток, который освежил ее. Но есть она не смогла — попыталась, но не смогла. У нее слишком болела голова. У Клэр был растерянный вид.

— Поешь хотя бы винограда — он тебе сейчас полезнее всего. Ты должна непременно постараться что-нибудь съесть, иначе я не знаю, как мне с тобой добраться до дома.

— У меня так болит голова, — сказала Молли, с трудом поднимая на нее печальный взгляд.

— О боже, как это некстати! — сказала Клэр все тем же мягким и нежным голосом, совсем не так, как если бы она сердилась, а лишь высказывая очевидную истину. Молли почувствовала себя очень виноватой и очень несчастной. Клэр продолжала с легким оттенком раздражения в голосе: — Видишь ли, я просто не знаю, как мне с тобой быть, если ты не поешь так, чтобы у тебя хватило сил дойти до дома. Я эти три часа бегаю из конца в конец по всему парку и устала — сказать не могу как и завтрак пропустила и все на свете. — Потом, словно ее осенила новая мысль, она предложила: — Ты приляг на эту скамью на несколько минут и постарайся съесть виноград, а я тебя подожду и тем временем смогу слегка перекусить. Ты в самом деле не хочешь курятины?

Молли послушалась и, лежа на скамье, пощипывала виноград и наблюдала, с каким аппетитом дама справилась с курятиной и вареньем, а также выпила стакан вина. Она была так хороша и изящна в своем глубоком трауре, что даже ее поспешность в еде — как будто она опасалась, что кто-то придет и застанет ее врасплох за этим занятием, — не помешала маленькой наблюдательнице восхищаться ею и всем, что она делает.

Гаскелл Э.

Г 22 Жены и дочери : роман / Элизабет Гаскелл ; пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 800 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-25458-9

Элизабет Гаскелл (1810–1865) — одна из самых известных «литературных леди» викторианской Англии, автор романов «Крэнфорд», «Север и Юг», «Жены и дочери». Последний остался незавершенным из-за внезапной смерти автора; заключительную часть романа дописал журналист и литератор Ф. Гринвуд, опираясь на указания самой писательницы относительно сюжета и развязки. Роман признан вершиной творчества Гаскелл. По определению Генри Джеймса, в нем «минимум головы», холодной игры ума и рассудочности, поэтому он и вызывает «сочувственный отклик у всех без исключения». Искрометный юмор и беззлобная ирония, которыми пронизана каждая страница, выписаны с тончайшей стилистической виртуозностью. Перед нами панорама типичного английского провинциального городка расцвета Викторианской эпохи со всеми его комичными персонажами и нелепыми условностями, уютными чаепитиями и приемами в графском поместье, браками по расчету и муками неразделенной любви. Перед нами — панорама человеческих чувств, заключенная в двойную рамку строгой викторианской добродетели и бесконечной веры автора в торжество добра.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ЭЛИЗАБЕТ ГАСКЕЛЛ
ЖЕНЫ И ДОЧЕРИ

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Мария Антипова
Корректоры Ирина Киселева, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 26.03.2024.
Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 35,25. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательская Группа	«Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —	„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, к. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа	Санкт-Петербург к. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,	„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

A-AKB-34448-01-R